

*Я пахал свою землю плугом,
Но сердце рвалось от тоски:
Сколько мне рассказали
Про океанские дали
Заезжие моряки!*

Генри Уодсворт Лонгфелло

~ I ~

Туман клубился над Атлантическим океаном. Большой пароход быстро шёл вперёд, резким свистом разгоняя на пути рыбачьи лодки.

Дверь в курительную комнату была настежь раскрыта.

— Этот мальчишка Харви совершенно несносен, — произнёс человек в сером пальто, порывисто захлопнув дверь. — Вовсе нам не нужен здесь этот выскочка!

— Знаю я это воспитание. В Америке много таких господ! — проворчал сквозь зубы седоволосый немец, прожёвывая сэндвич. — Они плохо кончают!

— Ну... особенно тревожиться тут нечего, скорее надо пожалеть его! — возразил обитатель Нью-Йорка, растянувшись во весь рост на подушках дивана. — Его таскали из отеля в отель, когда он был ещё совсем ребёнком. Сегодня утром я говорил с его матерью.

Она очень милая леди, но совсем не умеет руководить сыном. Он отправляется в Европу, чтобы закончить своё образование.

— Это образование ещё не начиналось! — раздалось из угла, где сидел, скорчившись, филадельфиец. — Мальчик говорил мне, что получает двести долларов в месяц карманных денег. Ему ещё нет и шестнадцати лет.

— Его отец — железнодорожный туз? Не правда ли? — спросил немец.

— Да, и это, и рудники, и акции, и суда. Он заведовал строительством в Сан-Диего и в Лос-Анджелесе, владеет полдюжиной железных дорог и позволяет жене мотать свои деньги, — усталым голосом продолжал филадельфиец. — Запад не удовлетворяет богатую леди. И вот она кружит по свету со своим мальчиком и своими расстроенными нервами. Побывали они и во Флориде, и в Адирондаке, и в Нью-Йорке и так далее. Мамаша желает позабавить своего мальчика. Когда он вернётся из Европы домой, это будет сплошной ужас!

— Что хочет сделать из него отец?

— Старик мечтал о многом и несколько лет тому назад осознал свою ошибку. Жаль, потому что в мальчишке много хороших черт.

Дверь снова растворилась, и в комнату вошёл стройный, высокий мальчик лет пятнадцати, держа сигарету в углу рта.

Желтоватый цвет лица мало подходил его возрасту, а в его взгляде читались нерешительность, вызов и какая-то болезненность. Юноша был одет в цветную куртку, гамаши, красные чулки и велосипедные башмаки. Красная фланелевая шапочка была сдвинута на затылок. Свистнув сквозь зубы, он оглядел всё общество и громко произнёс:

— Туман порядочный... Около нас столпилось много рыбачьих лодок... Не наехать ли нам на одну из них?..

— Закройте дверь, Харви, — сказал житель Нью-Йорка, — закройте её и уйдите. Вы нам не нужны!

— Кто запретит мне стоять здесь? — возразил юноша развязно. — Разве вы платили за мой проезд, мистер Мартин? Я имею такое же право быть здесь, как все другие пассажиры!

Он схватил фигуры с шахматной доски и начал перебрасывать их с руки на руку.

— Скучно, джентльмены! Не сыграть ли нам в покер?

Ответа не последовало. Харви пыхнул сигаретой, покачал ногой и забарабанил пальцами по столу.

— Как чувствует себя сегодня ваша мама? — спросил один из присутствовавших. — Я не видел её сегодня за завтраком.

— Она у себя, я полагаю, мама почти всегда бывает больна на море. Я готов дать пятнадцать долларов служанке, чтобы она лучше ухаживала за ней. Сам я редко спускаюсь вниз, потому что не люблю проходить мимо этих лакейских чуланов. Вот я в первый раз переезжаю океан, джентльмены, и, кроме первого дня, я не был нисколько болен!

Юноша торжествующе махнул кулаком и собрался уходить.

— О да, организм у вас работает как патентованная машина, — произнёс, зевая, филадельфиец, — вы делаете честь своей родине!

— Я знаю это. Я прежде всего американец до мозга костей и буду им всегда. Проеду по Европе и покажу им себя. Ну!.. Сигаретка докурилась... Нет ли у кого из джентльменов настоящей сигары?

В эту минуту вошёл главный механик, красный, улыбающийся, мокрый.
— Скажите, Макс, — закричал Харви весело, — как дела?
— Всё идёт обычным путём, — был серьёзный ответ, — младшие почитают старших, а старшие стараются оценить младших!

Лёгкий стук послышался в углу. Немец открыл свой сигарный ящик и подал Харви прекрасную сигару.

— Вот, покурите, молодой друг! — произнёс он. — Я могу доставить вам это удовольствие.

Харви зажёг сигару, хотя чувствовал себя неловко в этом обществе взрослых.

— Однако начинает сильно качать! — проговорил он.

— Мы сейчас узнаем это, — возразил немец. — Где мы теперь, мистер Макдональд?

— Бродим вокруг и около, мистер Шеффер, — ответил инженер. — Сегодня ночью мы будем на Большой Отмели. Мы находимся среди рыбачьих лодок.

— Нравится вам моя сигара? — спросил немец Харви, глаза которого были полны слёз.

— Прекрасная, ароматная сигара! — ответил он сквозь зубы. — Мы, кажется, замедлили ход, не правда ли? Я пойду посмотрю, что показывает лот*.

* Лот (диплот) — приспособление для измерения глубины. (Здесь и далее прим. ред.)

Харви зашагал по мокрой палубе к ближайшим перилам. Ему было скверно, но, заметив лакея, занимавшегося уборкой палубы, он поспешил дальше. Похваставшись, что никогда не страдал морской болезнью, Харви, из гордости, не желая никому показать своей слабости, шатаясь, добрался до кормы. На палубе никого не было, и Харви едва добрался до флагштока. Здесь он замер от боли. Ему казалось, что голова его распухла, огненные пятна мелькали перед глазами, тело потеряло свой вес, а ноги выплясывали дикий танец. Юноша совершенно ослаб от морской болезни.

Вдруг сильный толчок перебросил его через перила. Огромная серая волна, вынырнувшая из тумана, приняла его в свои материнские

объятия... Зеленоватая глубина сомкнулась над ним. Харви потерял сознание...

Он очнулся при звуке обеденного сигнала, подобного тому, который он слышал в летней школе в Адирондаке. Медленно припомнилось ему, что он — Харви Чейни, что он утонул в океане; но слабость мешала ему сосредоточиться. Холодная дрожь пробежала по спине; он вдохнул странный запах; его рот был полон солёной воды.

Открыв глаза, он заметил, что море серебристым пространством расстилается вокруг него, что он лежит на куче рыбы, около человеческой фигуры, одетой в голубую вязаную куртку.

«Скверно! — подумал юноша. — Я умер, конечно, и всё это мне просто мерещится».

Харви громко застонал. Человек повернул к нему голову, сверкнув

парой золотых серёг, едва видневшихся из-под нависших курчавых чёрных волос.

— Ага! Чувствуешь себя лучше? — произнёс он. — Лежи себе спокойно, лучше будет!

Резкими гребками он толкал лодку по морской глади, не прерывая своего разговора и не обращая внимания на огромную волну, грозившую лодке.

— Ловко я поймал тебя! — продолжал он. — Ловко!.. Как это ты упал?

— Я был болен, — отвечал Харви, — и ничего не помню.

— Я трубил в рог, чтобы ваш пароход не наскочил на мою шлюпку. Вижу, ты свалился. Я поймал тебя, как хорошую рыбу, и вот ты жив!

— Где я теперь? — спросил Харви.

— У меня. Зовут меня — Мануэль, я со шхуны «Мы здесь» из Глостера. Скоро будем ужинать!

Казалось, у этого человека было две пары рук и железная голова. Он не удовлетворился тем, что трубил в свой рог, но испускал ещё резкий, пронзительный крик, терявшийся в тумане. Харви не мог сообразить, сколько времени продолжалась эта забава, потому что в ужасе откинулся назад. Ему чудилось, что он слышит выстрел, звук рога и крики. Несколько голосов заговорили сразу. Харви положили в какую-то мрачную нору, дали выпить чего-то горячего и сняли с него платье. Он крепко уснул.

Когда мальчик проснулся, то ждал звонка к первому завтраку на пароходе, удивляясь, что его каюта вдруг